

УДК 82.091

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В ПИСАТЕЛЬСКОМ ДНЕВНИКЕ А.В. ЖИГУЛИНА

КОЛОБОВ Владимир Васильевич,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье впервые исследуются пространственно-временные связи в дневнике крупнейшего поэта второй половины XX века, бывшего узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000). Дневниковые записи А.В. Жигулина открывают новые, ранее неизвестные страницы его жизненной и творческой биографии, вносят дополнительные штрихи в историю отечественной литературы советского и постсоветского периода. Делается вывод о необходимости подготовки научного издания дневника известного писателя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Анатолий Жигулин, дневник, хронотоп, история отечественной литературы.

KOLOBOV V.V.,

Cand. Philolog. Sci., Lecturer of the Department of Public Relations,
Voronezh State University

THE CHRONOTOPE FEATURES IN A.V. ZHIGULIN'S LITERARY DIARY

ABSTRACT. The paper examines spatial-temporal relationships in the diary of the greatest poet of the second half of the twentieth century, a former prisoner of Stalin's camps, the Voronezh region native, Anatoly Vladimirovich Zhigulin (1930–2000). A.V. Zhigulin's diary entries open new, unknown pages of his biography and add to Russian literature history of the soviet and post-soviet periods. The author makes a conclusion about the necessity of preparing of the famous writer's diary as a scientific publication.

KEY WORDS: Anatoly Zhigulin, diary, chronotope, history of Russian literature.

Писательский дневник А.В. Жигулина – ценнейший мемуарно-публицистический документ минувшей эпохи, представляющий большой интерес как для широкого круга читателей, так и для исследователей истории отечественной литературы.

Как известно, в отличие от художественного произведения, где основу текста составляет виртуальная действительность, в дневнике писателя отражаются реальные факты и события, конкретные даты и имена, психологические или философские размышления, воспоминания и планы на будущее. Кроме того, для исследователей литературного процесса писательский дневник – неисчерпаемый источник биографических сведений, комментариев к художественным произведениям.

Функциональные и типологические особенности дневника А.В. Жигулина, а также его фактографичность, автобиографизм и несомненные художественные достоинства позволяют говорить о продолжении и углублении автором традиций, заложенных классиками русской литературы: В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, Н.А. Добролюбовым, А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским, А.А. Блоком, И.А. Буниным, А.М. Горьким, К.И. Чуковским, Б.Л. Пастернаком, А.Т. Твардовским, А.И. Солженицыным и др.

В 2011–2013 годах, в соответствии с волей вдовы поэта И.В. Жигулиной, материалы личного архива А.В. Жигулина (в том числе его дневники, рабочие тетради и письма) были переданы на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей и заняли достойное место рядом с фондами И.С. Никитина, А.В. Кольцова, Д.В. Вене-

витинова, И.А. Бунина, О.Э. Мандельштама, А.И. Эртеля, А.П. Платонова, Н.А. Задонского [1]. Не будет преувеличением сказать, что это поистине бесценный дар воронежской и отечественной культуре.

По времени дневниковое наследие А.В. Жигулина охватывает период с 7 апреля 1954 года до 6 августа 2000 года, когда поэт, измученный невзгодами и болезнями, ушёл из жизни. По объёму – это около 300 дневниковых книжек и примерно 250 рабочих тетрадей. Каждая имеет индивидуальный номер и содержит следующую обязательную надпись на титульном листе, сделанную каллиграфическим почерком автора: «Дневниковая книжка (рабочая тетрадь) номер... Начата... Окончена... Принадлежит писателю Анатолию Владимировичу Жигулину. В случае нахождения утерянной тетради просьба сообщить, вернуть (вознаграждение гарантируется). Телефон... Адрес...».

Жанровая организация дневника включает в себя элементы литературной, общественной, политической хроники, философского осмысления событий, исповеди, творческой лаборатории. Основное внимание поэта сосредоточено на следующих темах: собственное поэтическое творчество, литературный процесс в целом, события в стране и мире, личная (семейная) жизнь.

Адресат (объект) текста – сам автор, будущие читатели, потомки.

Пространственно-временная структура писательского дневника в целом совпадает с периодизацией литературной деятельности А.В. Жигулина, предложенной Г.В. Марфиным:

– становление поэта в процессе испытаний и познания жизни (конец 1950-х – середина 1960-х гг.);

– обретение устойчивости в пространстве и времени (середина 1960-х – 1970-е гг.);

– поиск устойчивости в пространстве истории (1980-е гг.);

– утрата найденной гармонии (1990-е гг.) [2].

Вместе с тем мы считаем, что вышесказанная структура периодизации творческой биографии поэта (особенно первого и второго периодов) нуждается в определённой корректировке [3].

Очевидно, что пространственно-временные связи в дневнике А.В. Жигулина объясняются не только объективными факторами, но и личностно-биографическими и социально-психологическими свойствами автора. Как отмечал М.М. Бахтин: «Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены» [4, с. 391–392].

Иными словами, документальные и художественные особенности хронотопа в дневнике А.В. Жигулина напрямую связаны с проблемой самоидентификации писателя. Дневниковые записи наглядно показывают, насколько бережно и внимательно поэт относился к истории своей семьи (по линии матери, Евгении Митрофановны Жигулиной-Раевской, он был прямым потомком поэта-декабриста и друга А.С. Пушкина Владимира Федосеевича Раевского). Не менее трепетно он относился к истории своей малой родины, истории России.

Анатолий Владимирович Жигулин родился 1 января 1930 года в Воронеже. Раннее детство прошло в селе Подгорное на юге области, где его отец, Владимир Федорович Жигулин, работал начальником районного узла почты. В 1937-м семья переехала в город Воронеж. Здесь 11-летний школьник Анатолий Жигулин услышал известие о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну. Здесь он испытал все тяготы военного времени: бомбёжки, эвакуация, разлука с близкими, скитания по сёлам, холод и голод. Эти тяжёлые впечатления позднее легли в основу его первых поэтических опытов.

29 марта 1949 года на страницах многотиражной газеты «Революционный страж» (орган политчасти областного управления МВД) появилось стихотворение старшеклассника Анатолия Жигулина «Два рассвета» («Тебя, Воронеж, помню в сорок третьем...»). Спустя полтора месяца, 15 мая, в областной газете «Коммуна» было напечатано стихотворение «Пушкинский томик». Следующей публикации начинающему поэту по независящим от него причинам пришлось ждать более пяти лет.

17 сентября 1949 года студент первого курса Воронежского лесотехнического института Анатолий Жигулин, один из руководителей подпольной антисталинской организации Коммунистическая партия молодёжи (КПМ) вместе со своими товарищами был арестован, объявлен «врагом народа» и приговорён к 10 годам лишения свободы по печально знаменитой 58-ой статье Уголовного кодекса РСФСР.

Несомненно, что арест, следствие, пятилетнее пребывание в лагерях и тюрьмах в Сибири и на Колыме наложили серьёзный отпечаток на всю последующую жизнь и творчество А.В. Жигулина и не могли не отразиться в его писательском дневнике.

Художественное время в дневнике А.В. Жигулина многопланово, в одних случаях оно имеет чёт-

ко определённые границы, в других – достаточно размытые очертания (описываются события как сиюминутные, так и многолетней давности). Аналогичная ситуация в писательском дневнике и с художественным пространством, которое, так же как и художественное время, многослойно и может рассматриваться как в узком, так и широком смысле.

Например, календарный день 17 сентября навсегда стал для А.В. Жигулина днём памяти о трагических событиях в его жизни. В этот день он всегда мысленно возвращался в прошлое, в послевоенный Воронеж, записывая в дневнике всё новые и новые детали. Вот одна из таких записей:

«17 сентября 1972 года, суббота.

Ровно 23 года назад в 15 часов дня в Воронеже начали брать <членов> КПМ. Была тоже суббота. Я был арестован в 15.05 на квартире Г. Луткова вместе с ним. В других местах в это же время были взяты Б. Батюев, Ю. Кисилёв, В. Рудницкий, В. Радкевич, Л. Сычёв, очень многие. <...> Началось тяжёлое 11-месячное следствие. <...> Осуждено было 23 человека. А насчитывала КПМ в лучшее время, в конце 1948 года – до 70 человек».

Сразу после освобождения Жигулин, по собственным словам, «не умевший толком писать ни стихи, ни прозу», с присущими ему точностью и вниманием к деталям зафиксировал в дневнике воспоминания о наиболее важных событиях, относящихся к периоду КПМ и тюремно-лагерной одиссеи. Первые записные книжки он начал вести, ещё находясь в неволе. Вот как об этом рассказывает сам автор:

«7 апреля 1969 года, понедельник.

Нынче исполнилось 15 лет моему дневнику. Начал я его ещё в заключении. Правда, к сожалению, не в Сибири и не на Колыме, а в Воронеже, куда меня (да и нас всех) привезли на преследствие. В родном городе, за высокой кирпичной стеной 020-й колонии, которая примыкает к знаменитой воронежской городской тюрьме, и начал я эти записи, этот дневник. А в сибирских и колымских лагерях любые записи строго были запрещены. Местный воронежский лагерь после Колымы казался раем: ни номеров нет на спинах; ни злых собак, ни лютых конвоиров. Почти воля. Тем более, что видны были трамваи, бегущие по мосту у Заставы. Мы ждали нового решения по нашему делу. Две первые дневниковые книжки содержат очень осторожные, туманные записи. Ведь и на 020-й дневники тоже были запрещены. Существовала особая статья в УК РСФСР, предусматривающая наказание за разглашение сведений о местах заключения. Но я всё-таки начал тайно вести дневник. Он уцелел только потому, что в день освобождения, 22 июля 1954 года, нас перед выходом за ворота обыскали формально, на скорую руку...».

Из записей видно, какое важное значение А.В. Жигулин придавал дневнику в процессе литературного творчества.

«11 апреля 1965 года, воскресенье.

<...> Решил продолжить дневник, чтобы как можно больше сохранить жизненного материала, который так нелепо и быстро утекает, как вода между пальцами. Я не ценил его. А ведь всё это очень нужно для работы, всё-всё, буквально, вся жизнь! Надо внимательно наблюдать жизнь и людей и записывать всё, ежедневно, неотомимо».

«29 мая 1967 года, понедельник.

<...> В последние дни снова решил перейти к дневниковым книжкам малого формата. Они удобнее, чем большие тетради, – можно носить с собою, можно писать, как сейчас в метро, не тратя драгоценного времени. <...> Большие и малые дневниковые книжки будут идти, как и раньше, параллельно. Авось историки разберутся в хронологии, хотя, впрочем, вряд ли это понадобится. Если буду жить до 90 лет, как Эренбург, сотни этих книжек (я прибавляю сюда лагерные записи, рабочие тетради, словари «фени» и прочее), конечно, пригодятся».

Литературный критик А.С. Горловский рассказал о том, как он однажды попросил поэта подарить ему черновик какого-нибудь стихотворения. Анатолий Жигулин распахнул дверцы книжного шкафа, стоящего в его рабочем кабинете, и критик увидел плотно сомкнутые ряды тетрадей и записных книжек. *«Не десятки – сотни штук, – изумлённо вспоминал А.С. Горловский. – Последняя имела порядковый номер, кажется, 516. В этих тетрадях и были черновики Жигулина, черновики, в которых отразился весь процесс работы над стихотворением... И стала понятной цена той кажущейся лёгкости и простоты жигулинских стихов, когда каждое стихотворение словно бы написалось или вылилось сразу»* [5].

Много страниц в дневнике А.В. Жигулина посвящено Александру Трифоновичу Твардовскому (1910–1971), великому русскому писателю, общественному деятелю, главному редактору культового в годы хрущёвской «оттепели» журнала «Новый мир», сыгравшему большую роль в его судьбе. В сентябре 1961 года воронежский критик А.М. Абрамов послал А.Т. Твардовскому только что вышедшую книгу А. Жигулина «Костёр-человек» и письмо, в котором рекомендовал обратить внимание на стихи молодого талантливой поэта.

Через несколько дней на домашний адрес А.М. Абрамова поступила телеграмма: **«НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЁР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ ТЧК ТВАРДОВСКИЙ»** [6].

4 ноября 1961 года в Москве состоялась первая встреча А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского, положившая начало их многолетнему и плодотворному сотрудничеству.

В марте 1962 года Анатолий Жигулин был принят в Союз писателей СССР. В 1963-м вышел в свет его первый «московский» сборник стихов – «Рельсы», который собрал множество положительных отзывов критики. В том же году Жигулин поступает на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР и переезжает на постоянное место жительства в Москву. При этом Воронеж навсегда остался для него духовной и физической колыбелью.

В середине 1970-х годов в литературной критике об Анатолии Жигулине сложилось устойчивое представление как о большом советском поэте, ярком выразителе «трудной темы».

В дневнике А.В. Жигулина содержатся записи о той высокой оценке, которую давали его стихам К. Симонов, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, Б. Слуцкий, Р. Казакова, Л. Аннинский, К. Ваншенкин, С. Орлов, В. Кожин, Д. Голубков, А. Абрамов, В. Акаткин, В. Гусев, Н. Старшинов, В. Дементьев, О. Михайлов, Г. Красухин, С. Чупринин, Л. Лавлинский, О. Чухонцев,

В. Лакшин, Н. Коржавин, Ф. Искандер, И. Золотусский, другие известные писатели и критики.

Особое внимание в дневнике уделяется такой, прямо скажем, актуальной и болезненной для каждого советского писателя теме, как цензура. Практически в каждой поэтической книге А.В. Жигулина присутствуют лагерные стихи: «Полярные цветы» (1966), «Поле боя» (1968), «Прозрачные дни» (1970), «Чистое поле» (1972), «Свет предосенний» (1972), «Полюнный ветер» (1975), «Стихотворения» (1976), «Горящая береста» (1977), «Калина красная – калина чёрная» (1979), «Соловецкая чайка» (1979), «Жизнь, нечаянная радость» (1980), «Воронеж. Родина. Любовь» (1982), «В надежде вечной» (1983), «Из разных лет, из разных далей» (1986), «Весеннее имя» (1987), «Белый лебедь» (1988), «За рекой Чуною» (1988), «Летящие дни» (1989).

Как отмечает поэт, далеко не все его стихи пробились к читателю с первой попытки. Многие были сняты безжалостной цензурой в самом начале или на завершающей стадии книжного производственного процесса. В конце 1980-ых годов А.В. Жигулин решился рассказать об одной «тайне», которую он тщательно скрывал от бдительных редакторов и работников Главлита: *«Я всегда в рукописи своих сборников неизменно включал все лагерные стихи. Обычно какая-то часть этих стихов проходила. Скажем, в сборнике "Горящая берёста" – он издан в 1977 году – были опубликованы такие стихи, как "Кострожоги", "Бурундук", "Летели гуси за Усть-Омчуг..." и другие. Но какая-то часть снималась. Некоторые мои стихи были слишком остры даже для хрущёвской "оттепели"»* [7].

Воспоминания постоянно подталкивали поэта к мысли написать крупное прозаическое произведение о пережитом.

«21 мая 1964 года, четверг».

Вчера мне снился сон, будто я заключённый и меня вызывают на вахту. Иду по лагерю к вахте в старом своём зелёном костюме и вдруг замечаю у себя на пиджаке институтский значок. И начинаю мучительно припоминать, разрешаются ли значки в лагере. В конце концов решаю значок спрятать, прикрываю его рукой и... просыпаюсь.

Да. Вот уже не семь, а десять лет, как я вышел из тюрьмы, а тюрьма снится регулярно, особенно – побеги. Крепко загружены были мозговые клетки мыслями о побегах! Никак не разгрузятся».

«19 ноября 1968 года, вторник».

<...> Вспоминаю всё время, как и обычно, впрочем, прошлое. Плывут, разворачиваются кинолентами Подгорное, довоенный Воронеж, детство, война, Борисоглебск... Потом вдруг: лагерь, институт, тюрьма, школа... Картины возникают стихийно, не по порядку. Так всё ясно вижу, словно всё вчера было. Каждую капельку застывшей смолы на брёвнах нашего давно сгоревшего старинного дома различаю, каждую заплату на лагерном бушлате! Людей как живых вижу – и друзей детства, и подельников, и соклассников. Вновь переживаю всё незабытое. А главная книга жизни так и остаётся не только не написанной, но и не начатой. Видно, так она и останется лишь в моих мыслях. Не когда уже учиться прозу писать... А стихи – в стихах всего не скажешь!

<...> Всего не запишешь, что вспоминается. Видно, придётся писать прозу. Куда же ещё деть могу я свои мучительные воспоминания?! Писать рассказы, повести. В них будет уютно и спокойно

и Юрке Суворову, умершему в 1944-ом, и Володьке Харушу, убившему себя в 1966-ом.

Там найдут себе место все мои боли и терзания, все разрозненные куски ушедшей жизни, оставшиеся лишь в моём сознании».

В середине 1980-ых годов начался принципиально новый этап в творческой биографии А.В. Жигулина – переход к документальной и художественной прозе. В журнале «Знамя» за 1988 год (№ 7 и 8) была опубликована автобиографическая повесть «Чёрные камни», вызвавшая широкий общественный резонанс.

Небольшое литературно-критическое отступление. В 2011 году (до поступления в Воронеж писательского архива А.В. Жигулина) вышла в свет моя документальная книга «Жигулинский век», посвящённая событиям вокруг повести «Чёрные камни». Приведу фрагмент из этой книги:

«Желание написать автобиографическое произведение в прозе о пережитом возникло в нём давно. В определённый момент он почувствовал, что его стихи, какими бы совершенными они не были, не могут вместить всё то, о чём ему хотелось поведать "граду и миру": о детстве и юности, о КПМ, об аресте и следствии, о ссылке в Сибирь и на Колыму, об освобождении и реабилитации, о жертвах и палачах, о жизни, любви и смерти.

Перефразируя известное выражение «Quod licet Jovi, non licet bovi» (лат. – «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку»), можно было сказать так: что позволено прозе, то не позволено стихам. В застойные годы он прочитал официально опубликованные и самиздатские произведения Александра Солженицына и Варлама Шаламова и был поражён их исторической глубиной и художественной мощью.

Естественно, он не мог пройти мимо жизненного и философского опыта Ф.М. Достоевского, которому тоже, как известно, пришлось четыре года провести "во глубине сибирских руд"» [8, с. 32].

Честно говоря, в момент написания этих строк у меня не было документального подтверждения духовной связи творчества А.В. Жигулина и Ф.М. Достоевского. Были лишь некие смутные предположения, предчувствия, догадки, основанные на интуиции и чтении книг данных авторов.

В 2013 году, изучая материалы писательского архива А.В. Жигулина, я прочитал в его дневнике:

«29 февраля (год високосный), суббота, 1964 год.

«...> Читаю "Записки мёртвого дома". Я попал в особый лагерь ровно через сто лет, на сто лет позже, чем Достоевский на каторгу. Но – боже мой! – как много в его записках нахожу я похожего на то, что самому пришлось испытать и увидеть, узнать. "Умри ты сегодня, а я завтра!". Никогда бы не подумал, что этой формуле уже сто лет (а может, и больше). А что такое сто лет в сущности? Срок очень небольшой. И естественно, сохранились какие-то общие категории. Каторга есть каторга, и она в разное время рождает, по существу, очень близкие характеры. Условия чрезвычайно близкие, оттого и мысли сходные, и ощущения. Российская каторга имеет свою славную историю. И сталинское время – одна из самых примечательных страниц этой истории».

Это не единственная подобная запись в писательском дневнике. Таким образом, предположения о влиянии Ф.М. Достоевского на творчество А.В. Жигулина нашли своё подтверждение.

Изданная многомиллионным тиражом в нашей стране и за рубежом повесть А. Жигулина «Чёрные камни» стоит в одном ряду с широко известными произведениями А. Солженицына, В. Шаламова, Ю. Домбровского, В. Гроссмана, А. Рыбакова, Е. Гинзбург. Поэт Евгений Евтушенко назвал эту повесть «неоценимым свидетельством на суде истории», а сам Жигулин считал её главной книгой своей жизни.

В заключение отметим, что хронотоп в дневнике А.В. Жигулина – не только важный способ выражения авторской позиции, но и многомерная, полифоничная форма отображения времени и пространства, в которых жил и творил писатель.

Судя по многим дневниковым записям, А.В. Жигулин не сомневался, что рано или поздно его многолетний и объёмный труд будет опубликован и его голос услышит читающая Россия.

В преддверии приближающегося 90-летнего юбилея выдающегося поэта и нашего земляка было бы целесообразно, на наш взгляд, начать подготовку научного издания писательского дневника А.В. Жигулина. Реализация этого проекта могла бы стать заметным явлением не только в литературоведении, но и в духовно-культурной жизни нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жигулин, А.В. Материалы писательского архива [Текст] / А.В. Жигулин // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина.
2. Марфин, Г. Человек и мир в лирике А. Жигулина : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Г.В. Марфин. – Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2003.
3. Колобов, В.В. К вопросу о периодизации творчества Анатолия Жигулина [Текст] / В.В. Колобов // Коммуникация в современном мире. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» 11–12 мая 2012 г. – Воронеж, 2012. – С. 95–98
4. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. : сб. – М. : Худож. литература, 1975. – С. 234–405.
5. Горловский, А. Поэзия горящая свеча [Текст] / А. Горловский // Вопросы литературы. – 1983. – № 12.
6. Абрамов, А.М. Письма Александра Твардовского [Электронный ресурс] / А.М. Абрамов. – (<http://podyom.ruspole.info/node/1657>).
7. Жигулин, А. «Трудная тема, а надо писать...» : [Беседа с писателем А. Жигулиным / Записал В. Огрызко] [Текст] / А. Жигулин // Книжное обозрение. – 1988. – С. 4, 15.
8. Колобов, В.В. Жигулинский век. Документальная повесть [Текст] / В.В. Колобов. – Воронеж, 2011. – 328 с.